

ПРЕ-ДИ-СЛО-ВИЕ

Эта книга за спасибо.

Спасибо моему другу и исправителю Олегу Сташкевичу.

Что не давал мне отрываться:

— Пиши и пиши!

— Пишу и пишу, — не помню откуда кричал я, стараясь заглушить звяканье вилок и рюмок на фоне шума морской волны.

Такие, как эту — не пишут.

Их собирают.

Их соскрёбывают.

Их набрасывают лопатой.

И накапывают пипеткой.

Их растирают с солью, сахаром и слезами.

И каждый раз пробуют на вкус.

И дают попробовать друзьям: «Кажется, готово?..»

Сюжета нет. Одни ингредиенты.

Сюжетом служит общее впечатление, состояние и сострадание.

Включая постраничное.

Все!

Наклоняюсь и целую.

Отклоняюсь и жму руку!

Ваш со всей родней М. Жванецкий

Нет, не воспоминание, не воображение, а живая жизнь поступает ко мне.

Людская, а не выдуманная мной ради профессии.

Какая разница, когда и где ему сообщат.

Вечером или днём или ночью.

Какая разница, как ему сообщат.

Важно, что вдруг становится слышно.

Через три-пять-десять лет.

Вдруг шум, шум.

Что-то шумит.

Шумит то, что было сказано, забыто, пройдено и там осталось.

И что там такого?

А что там такого?

Спрашиваешь себя.

Спрашивают тебя.

Спрашиваешь ты.

И, слава богу, не можешь ответить...

НИЖНИЙ ТАГИЛ

(январь 197... или 198... года)

Вот и вспоминай Нижний Тагил, конец января.
Советская власть.

Металлургический комбинат.

Ты приехал с полуподпольным выступлением.

Вспоминай. Ты же помнишь всё, кроме своего выступления. Они всё делали сами. Вспомни квартиру, что устроили тебе на эти два или три дня. Трёхкомнатная. Вся семья куда-то выехала.

Вспомни яблоки на столе.

Вспомни завтраки, которые хозяйева готовили тебе и уходили.

Вспомни, как они спорили, кто тебя повезёт. Девять машин за три дня.

А в последний день — гонщик, — когда концерт позади.

Вот и вспомни, как они вдесятером готовили обед.

Как на завтрак были пельмени, пиво, водка, борщ — всё, чего не достать.

Как ради тебя не ушли на обед прокатчики, тебе показали, как катают четырёхсоткилограммовые бандажи.

Как все с тобой сидели в бане прокатного цеха ночью. И ночью голые, мокрые мужики выбегали из парной к прокатному стану. Летел раскалённый докрасна двутавр № 20, он пролетал, обдавал голых жаром, потом шёл ветер, потом — жар. Грохот, ветер, жар, двутавр метров десять, далеко наверху в кабине оператор. И мы с бокалами шампанского. Где, когда, какая власть могла нам помешать?

Какой ещё народ тебе был нужен?

Вот и вспоминай, как они, твои слушатели, по очереди взяли на себя все препоны, все барьеры, что выстроила на твоём пути власть.

От авиабилета до гонорара. Когда ты в этом государстве не потерял ни минуты. Кто-то уже стоял в очереди. А кто-то уже выстоял. Ты только появлялся, и очередь подходила.

Как партийные деятели не могли взять в толк, когда их обскакали, почему их ни о чём не просили и не попросили. И уехали, так ничего и не попросив, не сообщив, не поблагодарив.

Это их-то!

А когда у тебя поломались очки, ты их передал в народ со сцены и их вернули тебе починенными.

Вот и вспоминай, любимый, каким ты был.

Ибо тут возможны два варианта.

Либо ты называешь дерьмо дерьмом, невзирая на должности и звания. И народ тебе кричит: «Ура!»

Либо ты кричишь: «Ура!» И народ тебя называет дерьмом, невзирая на должности и звания.

С НОВЫМ, 2005 ГОДОМ!

И вот снова собралась наша компания. Невзирая на расстояния, невзирая на убеждения, невзирая на материальное и семейное положение.

Уходящий год был потрясением для всех и многообещающим для населения.

Обещали все. Это был лучший по обещаниям год. И, как сказал Гарик: «Но так хочется поверить, так хочется поверить — в последний раз».

Да, Гарик. На этом и построены Кузбасс и Магнитка, Освенцим и ДнепрогЭС. Мы поверили в следующий год.

Не будем надеяться на что-то большое — вроде общего счастья.

Будем рассчитывать на что-то мелкое и твёрдое. Толя купит велосипед. Ира залатает крышу. Митька поймёт арифметику. Я ещё чем-нибудь вас рассмешу. На остальное заработаем. В последний раз предлагаю надеяться на себя. Будем счастливы снизу. Тогда смена властей не будет так радостна и так трагична.

А пока подумаем о себе.

Злой не бывает счастливым.

Добрый не бывает одиноким.
Умный не бывает красивым.
За Новый Новый год!
За подъём пресмыкающихся!
За вскакивание лежащих!
За рывок нерешительных!
За многообещающую встречу жён моряков с
курсантами высшего мореходного училища!
За этот вечер четырёх поколений в нашем
доме на спуске к морю!
За поцелуй молодости!
За крепкую руку старости!
За наслаждение этой старостью и возбуждение
этой молодостью!
За общее движение от пения и танца к чтению
и уму!
И как только каждый вдруг станет доволен сво-
им результатом, от общего результата вздрогнут
все!

ПРОГНОЗ НА 2005-Й

Все надеются на петуха.

Знатоки этой птицы говорят: «Будет хорошо!»

Зная его неутомимость, ранний подъем, заботу
о женщинах...

И обалденную мужскую красоту.

И очень вкусную жизнь после смерти...

СНОВА

Ура! Снова Новый год.
И всё у нас по-новому.
Старый год уходит вперёд.
Новый год зовёт назад.
Страна живёт уверенно, хотя есть странности.
В обществе откуда ни возьмись снова появились антисоветские настроения.
И даже стали популярными.
Как? Почему? Советской власти давно нет..
Учёные, с трудом оставшиеся в стране, исследуют эту странность.
И это при том, что механизм принятия решений налажен.
Детали механизма заняли места в зале заседаний.
Решения приняты.
Из решений самые решительные будут украшать стенды улиц и скверы площадей.
Затем будет принято самое решительное из всех решительных решений и под названием «Решение — в жизнь!» будет украшать все вокзалы всех городов.
Я какое-то время кричал:

— Жизнь становится лучше!

Сейчас кричать перестал.

Хотя ещё иногда так думаю.

На этих криках: «Жизнь стала лучше!» я потерял довольно крупную часть публики.

Президент и премьер на этом же тексте уверенно набирают голоса.

Или у нас публика разная, или я считаю по доходам, а не голосам.

Странно!

Мне отец говорил: «Делай, что говоришь! Но не говори, что делаешь!» — но я делаю и говорю одно и то же.

Отец от меня такой профессии не ожидал.

Жизнь за это время успокоилась, установилась: вернулись забастовки, голодовки, протесты.

То есть жизнь устаканилась.

Но если раньше по ночам окна горели — идея была.

Теперь окна погасли, горят глаза неугасимым голубым огоньком.

Раньше говорили — учитесь у стариков, теперь их толкают — бегите за молодыми, они, как собаки в метель, что-то чуют и куда-то бегут. Может, и вас куда приведут.

Весь народ этим занимается — следят за молодыми.

Хотя их движение тоже хаотичное.